

— Плохие люди ссорятся? — Мальчик вроде бы понял, а вроде бы нет, но закричал. — Бить плохих людей! Пусть Сунь Укун придёт и побьёт плохих людей!

Цинфэну не нужно было гадать, что они сказали, чтобы так резко сменить выражение лица, но вдруг на душе стало гораздо веселее. Глядя на то, как Линь Цяохуэй уходит в гнев и растерянности, словно не смея слишком сильно шуметь и плакать перед Тань Сяньци, он почувствовал удовлетворение. По крайней мере, эта женщина до сих пор не может поднять головы.

— Цинфэн!

Му Су спустился вниз, долго искал и наконец нашёл Цинфэна, сидящего на газоне, махнул рукой и громко крикнул его имя.

Линь Цяохуэй уже отошла далеко, но всё же услышала. Обернувшись, она так испугалась, что покрылась холодным потом. Тань Сяньци тоже невольно слегка обернулся. Она подумала, что это показалось ей из-за чрезмерной тревоги, затем ускорила шаг.

Цинфэн стал свидетелем их реакции, на губах невольно появилась довольная улыбка. Он протянул руку и потёр голову того, кто только что сел рядом.

— Почему ты спустился?

— Ты велел мне смотреть, а сам спустился играть, — толкнув его плечо, он без конца ворчал. — Раз Тань Лин приехал, мы не будем тут лишними.

Эти слова были сказаны очень легко, но Му Су чувствовал, что он делает вид великодушным. Наверняка настроение плохое, поэтому он вышел греться на солнце.

— Я голоден... — Му Су снова потер свой живот, слегка опустив голову.

Цинфэн скопировал его тон и интонацию:

— Я голоден...

— Я правда проголодался, — щёки слегка порозовели. — Пойдём поесть, я угощаю.

— Хорошо, бесплатно не откажусь.

На этот раз Цинфэн сразу согласился, изящно приподнял бровь и продолжил смотреть на мальчика, играющего в мяч вдалеке.

Когда они поднялись за рюкзаками, они встретили врача и медсестру, выходящих из палаты Кэ Чэна. На лбу Кэ Чэна оставался холодный пот, губы были бледными, в глазах читалась сильная усталость.

— Что случилось? — Цинфэн не успел спросить, как врач уже ушёл.

Тань Лин ничего не сказал, но можно было догадаться: возможно, их разговор вызвал у Кэ Чэна эмоциональное возбуждение, усилившее боль.

— Мы тут полдня просидели, всё было хорошо, как только Тань Лин пришёл, этот парень сразу заболел. Ты что, талисман неудачи? — Му Су стоял рядом с Цинфэном, не удержавшись от язвительных слов.

Тань Лин на этот раз лишь с безысходностью улыбнулся и покачал головой.

— Что сказал врач? — Цинфэн неспешно спросил Кэ Чэна.

Тот лишь с лёгкой улыбкой ответил:

— Ничего серьёзного, не волнуйся.

— Если ничего серьёзного, мы двое пойдём поесть. Ты не думал оставить, чтобы Цинфэн помог тебе принести еду? — Му Су нанёс упреждающий удар, а Кэ Чэн с улыбкой парировал вопросом. — Нельзя?

— Ведь тут есть один бездельник, — Му Су не боялся лезть на рожон, был тайно подтолкнут Цинфэном, но продолжал по-своему. — Тань Лин, ты такой заботливый, наверняка не откажешься помочь позаботиться о друге.

— Ты голоден? Я составлю тебе компанию, как раз я тоже голоден.

Тон Тань Лина по-прежнему был полон мягкости, он переключил тему на Цинфэна.

— Цинфэн, чего бы ты хотел поесть?

— Пожалуйста, отведи Му Су поесть, я останусь присмотреть за Кэ Чэном.

Пальцы скользнули по волосам на макушке Му Су, выводя его наружу.

Му Су втайне яростно посмотрел на него, придавил голос и сделал преувеличенную артикуляцию губами:

— Сам виноват!

В палате очень быстро остались только они двое. Цинфэн налил стакан кипятка и подал Кэ Чэну, невольно коснувшись его руки. Рука Кэ Чэна была ледяной, но, как от электрического разряда, он резко отдернул руку.

— Цинфэн...

Улыбка Кэ Чэна исчезла с того момента, как ушёл Тань Лин, уголки губ слегка опустились, кончики пальцев терели тёплую стенку стакана.

— Кажется, есть вещи, которые можно сказать только тебе, но ты никогда ни о чём не спрашиваешь...

— Потому что я не могу тебе помочь, ты же знаешь...

Он повернулся и пошёл к окну, как раз увидел Му Су и Тань Лина на дорожке из гальки. Му Су всегда ходил подпрыгивая, выглядел очень живым и активным.

Глядя на их спины, он чувствовал, будто его душа покинула этот мир, не было ничего неприятного. Думая об этом, он невольно выдал едва уловимую улыбку.

— Ты и Тань Лин... — Кэ Чэн был слишком умён, после нескольких раз всё стало понятно, но никто не признавался.

Столкнувшись с этим вопросом, Цинфэн очень не хотел отвечать, но всё же открыл рот:

— А как ты думаешь?

— Оно того стоит? — Глядя на профиль человека у окна, всё тот же сдержанный. — В чём смысл прихода в этот город, чем он отличается от прошлого?

— Нет разницы, только то, что я стою в этом городе, и ощущение отличается от того зимнего дня, когда я стоял на лестничной площадке.

Этот ответ словно молния пронзил мозг Кэ Чэна, вспомнившего того мальчика в тонкой одежде, которого отчим вытолкнул из дома, ругая и трясая за тонкие руки, и в конце босиком стоял на лестничной площадке, не плакал и не шумел, проходящие соседи изредка смотрели на него, но он ни разу не поднял голову, чтобы взглянуть.

— Ты ненавидишь того человека? Здесь, ты ненавидишь их, правда? — Голос Кэ Чэна становился всё более хриплым, но он не смел кашлянуть.

— Если однажды я и Тань Лин окажемся в ситуации противостояния, когда никто не уступит, ты надеешься, что победителем станет тот человек? — Цинфэн редко говорил такие каверзные слова, это ставило Кэ Чэна в тупик.

Прошла минута, Цинфэн издал лёгкий смешок, развернулся и пошёл вглубь комнаты:

— Если правда будет такое время, ты уходи далеко, не слушай и не смотри — и всё.

— Но, он невиновен.

Это совершенно неубедительное объяснение вызвало лишь ещё более ясный смех Цинфэна.

— Ненавидеть его и мстить ему — это разные вещи. Когда он, ничего не зная, раз за разом приближается, надеясь стать моим другом, мне хочется взять нож и вонзить ему в грудь. У него нет причин, чтобы я мог на него злиться, но он всегда забирает всё, что я хочу... — Цинфэн чувствовал, что он обречён не быть хорошим человеком, не может, как Тань Лин, беззаботно смотреть на этот мир.

Сердце Кэ Чэна ёкнуло, покраснев глаза, он поднял голову, но увидел, что Цинфэн медленно вышел из палаты, больше не сказав с ним ни слова.

Температура в больнице всегда казалась такой холодной. Цинфэн скрестил руки на груди, плотнее укутав тело, прислонился к окну коридора и спокойно смотрел на пейзаж снаружи.

В голове промелькнуло многое: Тань Сяньци и его жена, идущие по дорожке рука об руку, солнечная улыбка Тань Лина в любой момент времени. Внезапно он обнаружил, что, кажется, только он живёт так нарочито, в итоге хочет затруднить жизнь другим, но всегда лишь затрудняет свою собственную.

Сидя в автобусе, Му Су держал упакованный обед для Цинфэна, это ещё не открывали, двое тихо сидели на последнем ряду.

В автобусе днём было не так много людей, тёплое солнце падало через окна. Цинфэн закрыл глаза и прислонился к спинке сиденья. Му Су слегка развернулся, случайно застыл взглядом.

Солнце падало на тело Цинфэна, сбоку смотрю, это изящное лицо было очерчено золотой

линией, слегка испуская золотое сияние.

Смотрел задумчиво, вдруг плечо стало тяжёлым, Цинфэн крепко уснул, всей головой опёрся на плечо Му Су. Му Су испугался, подсознательно протянул руку, чтобы поддержать, щёки неосознанно начали слегка краснеть.

Холодные мягкие волосы касались его щеки, вызывая покалывание и зуд, но он не смел пошевелиться. Только иногда чувствовал, что щека чешется, и терся волосами Цинфэна, чтобы облегчить ощущение. Всю дорогу он даже моргал осторожно, боясь разбудить человека рядом, слегка приподнимал плечо, с трудом поддерживая его.

Автобус проезжал остановку за остановкой, проехал его остановку, где он должен был выйти, но видя крепко спящего Цинфэна, Му Су вдруг не хотел вставать. Хотя плечо уже болело до боли, но хотелось подождать ещё.

Цинфэн, наверное, очень устал, устал настолько, что не хотел, чтобы его будили. Почему всегда есть люди, которые заставляют его так уставать? Те люди явно могут легко сделать его счастливым, но всегда превращают это в тяжёлую заботу.

Думая так, Му Су не мог не загрустить. Неужели под спокойной поверхностью воды всегда скрываются такие мрачные и бурные течения? Сколько же нужно сил, чтобы подавить эти скрытые волны, истощая всё целиком, и в итоге всегда страдает он сам.

Вдруг одна рука Цинфэна упала, опустившись на его бедро. Взгляд Му Су скользнул вниз: это была очень длинная и красивая рука, та рука, которая раньше не работала и не подрабатывала, определённо была бы красивее, чем сейчас. Кончики пальцев слегка коснулись, передавая тепло кожи, уголки рта слегка приподнялись, и пальцы, словно одержимые, полезли в промежутки между пальцами Цинфэна, понемногу проскальзывая внутрь, тихо сжимая их.

<http://bllate.org/book/16764/1540941>